

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ – ШКОЛЕ

Е.В. КОЖЕВАНОВА

«Восточная» образность в системе мироощущения советского писателя Тимура Пулатова

Тимур Исхакович Пулатов – один из известнейших прозаиков бывшего СССР, народный писатель Узбекистана и Таджикистана, чье творчество является национальным достоянием этнической культуры. Его ценностные принципы нравственно-этического, философского и художественно-эстетического освоения мира позволяют причислить Пулатова к писателям-традиционалистам [2]. «Ислам наполнил мою душу на всю жизнь!», – утверждал он в одном из своих интервью [1], тем самым идентифицируя себя с мусульманской культурой, однако требуя при этом широкого понимания религиозной веры. Для него Ислам – «это всесторонняя духовная система», которую нельзя сводить исключительно к выполнению ритуалов; это особое мироощущение, поэтому навязывание мусульманскому миру чуждых ему идеологии и образа жизни выглядит, по меньшей мере, оскорбительным. При таком взгляде на религиозную веру она становится «лекарством» от злобы, ненависти, нетерпимости. «Настоящий мусульманин всегда достойный человек, он должен спокойно, с мудростью отреагировать на вызов, на провокацию... Защищая свою веру, он защищает свой внутренний мир, право быть человеком...» [1].

Ислам, будучи особым мироощущением писателя, стал для него «духовным источником вдохновения». По мнению Пулатова, невозможно прервать поэтические традиции, рожденные средневековым Исламом («тут можно привести множество имен: от Омара Хайама, Рудаки, Хафиза и Саади до имама Хомейни, который, кстати, писал неплохие стихи, суфийские, о любви к богу, к Истине»), но «сейчас в 21 веке должна возродиться исламская проза. У нас же на виду глубокие характеры, великие примеры отношения к людям. Есть много о чем писать, например, исламская семья, почитание старших, добрые слова. Это не может не тронуть людей». Заставляя признать, что Ислам в свое время уже оказал огромное влияние на европейскую цивилизацию, «выразив свой дух в прекрасных творениях архитектуры, так называемых романах в форме камня», Пулатов теперь отдает эту привилегию исламской прозе, в том числе и своим произведениям.

«Дух Ислама передали мне родители. Это и рассказы о пророках, которые я слышал в детстве, это узкие улочки Бухары между великолепными минаретами, мечетями, медресе, кошка, которая крадется среди ночи по винограднику нашего двора... Ислам пропитал мою душу и наполнил ее на всю жизнь». Таким образом, Пулатов, обладая странным, пронзительным, лукавым, словом, «восточным» взглядом на мир, выбрал путь «философской эстетики традиционализма».

Объектом внимания нашей работы стала повесть Пулатова «Хор мальчиков», написанная в 70-е годы, время, когда коммунистические правители бесцеремонно вмешивались в жизнь населявших страну наций и этносов: перекраивали исторические границы, переселяли целые народности, разрушали веками складывающийся образ жизни, не говоря уже о насильственной русификации и ликвидации местных религиозных обрядов и праздников. Всякое сопротивление тоталитарному режиму беспощадно подавлялось. Пулатов видит единственный способ обращения к национальному, культурному, ментальному опыту в том, чтобы сконцентрировать устойчивые представления о Востоке в невинном детском сознании, которое не думает, а только воспринимает. Только ребенок с его незамутненным синкретичным восприятием внешнего мира способен воплотить в себе архаическое сознание человечества, культурную память предков и тем самым защитить национальную культуру от унификации в сфере духовной деятельности, от привычного клейма: «социалистическая по содержанию, национальная по форме».

Детское сознание, таким образом, выступает как «охранительный» архетип, как некое «коллективное бессознательное», которое, согласно К.Г. Юнгу, передается в виде тайных учений, мифов и сказок. «Защитная дымка иллюзии и тайны» окутывает реальные предметы в «Хоре мальчиков»; так, родной дом и двор предстают в глазах ребенка средоточием таинственных и духовно значимых событий. По признанию самого автора, его книга – «небольшая история о том, как мир и маленький человек договариваются жить в согласии...». Похожий «дого-

вор» с окружающей средой заключали наши древние предки, тем самым «нейтрализуя хаос и катастрофическое воздействие природных стихий на человеческое сообщество» [3]. Происходила как бы гармонизация природных и человеческих явлений действительности, которые составляют органические звенья равновесного космоса как единого целого. В рамках мифологического взгляда на мир (с позиции природоцентризма) происходит становление личности маленького Душана из повести Пулатова. Экзистенциальная сущность природного мира, с которым органически срослась душа ребенка, раскрывается с помощью мотива памяти рода. Так, обыкновенный лист тута воспринимается мальчиком как сотворенное чудо, похожее на форму ладони человека: «...и как лист помнит, сколько ему расти, чтобы не отяжелеть и не сорваться со стебелька, и какой памятью знает, куда распустить свои ветки, какую нарисовать себе форму, чтобы быть красивым?». Одно лишь воспоминание, «что жило внутри его стеблей коричневыми кольцами», помогает цвести старому и бессмертному кусту олеандра.

Память рода постоянно насыщает жизнь ребенка тайным смыслом. Душа мальчика свободно летает во сне над самыми неожиданными местами, где проходила история рода; «ведь достаточно прадеду-кочевнику проехать на верблюде по пустыне, как ощущение его, как опыт, как зримое воспоминание могло оказаться в сознании маленького правнука...». Тени умерших удивительным, но естественным образом продолжают жить в доме: когда-нибудь, когда не будет ни мамы, ни бабушки, их тени, пробегая по двору, встретятся и «поговорят о том, все ли в порядке». Память рода может быть скрыта в своеобразном фетише, роль которого выполняет старая кровать, где, по рассказам бабушки, родился, рос, состарился и умер дед: сидя на ней по вечерам, Душан напряженно вникает, желая услышать от кровати какую-нибудь тайну деда.

Тайна охватывает всю атмосферу восточных верований, традиций, поскольку в нее помещен ребенок с мифологическим сознанием, открытым древним архетипом рода. Как его предки-кочевники, Душан верит в «страшное и таинственное», что несут в себе слова: «...и живое и вещь каждый раз меняют свою сущность, если их называть по-разному, все многолико...».

По мусульманским представлениям, мир, в котором мы живем, не реальный, а мнимый, представляющий собой множество эманаций, а значит это мир постоянного движения, неустойчивости, ежесекундных взаимопревращений, скрывающих лицо истинного мира, абсолютного, устойчивого и неподвижного. Подобные верования, наложенные на сознание ребенка, оказываются умело скрыты детской непосредственностью, наивностью, впечатлительностью. Наблюдая за, казалось бы, обыденной сделкой «купли-продажи», Душан воображает бесконечное превращение монет, которые «к одним заходят в стойло в облике быка, у других лежат под кроватью, свернувшись змеей; к третьим она заползает под платье – еще утром звонкая, сверкающая монета, а сейчас жук скарабей – и щекочет их тело и грудь приятной истомой». Неожиданные превращения происходят и с самим мальчиком, который, поддавшись «восторженно сумасшедшему» настроению брата («будто загнали его в Амона»), случайно губит маленького стрижа.

Как окружающий мир скрывает свою сущность за множеством эманаций, так и человек таит в себе тайное, подлинное имя, которое открывается ему чаще в конце жизни. Дед перед смертью дарит свое тайное имя только что родившемуся Душану, осуществляя тем самым особый ритуал передачи культурного опыта последующему поколению. Ребенок, обладающий априорной памятью предков, способен легко раскрыть собственное тайное имя, а значит увидеть себя «совсем другим», «существом, родившимся из звуков прочитанного наоборот имени»: «несостоявшимся» (Нашуд – несовершенный, несостоявшийся). Такое «отрезвление» приходит к Душану в день его семилетия, накануне «второго его возраста», с которого и начинается истинная жизнь. Возраст до 7 был «как учеба, где прощаются великодушно ошибки, глупости, злоба и грех...», потому и человек еще «несостоявшийся, несовершенный».

Восточный человек, как принято, должен чувствовать «числа», а значит и «ступени», то есть ощущать идущие года, «которые собираются вокруг души кольцами, как в стволе дерева». Семь – особое число на Востоке, символизирующее семь человеческих дел: рождение, мужество, ремесло, женитьба, отцовство, война, болезнь; «жизнь проходит от одного дела к другому, и то, как человек достойно идет через это, и делает его судьбу непохожей». Достойно идти по жизни Душану помогает его бабушка, которую он считает своей парой. По восточным пред-

ставлениям, все должно иметь пару, свою противоположность (например, молодость – старость). Это обычное течение жизни, условие для постоянного обновления, изменения, превращения. «Один» - это всегда нечто неординарное, переломное, исключительное. В суфийской поэзии образ, не имеющий пары, выходит из кольца мира мнимостей и выражает запредельную, божественную Истину. Смерть бабушки разрушила пару, подведя судьбу мальчика к переломному моменту. «Один», «одинокий» - слово, имеющее власть и силу, так как дает «не раз уже прочувствованное состояние, в котором, по словам бабушки, рождалась душа». Две противоположности, образующие пару, взаимопревращаются друг в друга и тем самым творят жизнь, вечно изменчивую и мимолетную. Теперь старость, жившая в мальчике со дня рождения (так же как в бабушке его молодость, которую она унесла), стала осязаемым бременем в его душе (детство кончилось).

Тайну жизни мальчик с детской пытливостью «читает» в традиционных восточных образах-символах, связанных с различными мотивами. Так, хайямовский образ-символ вина содержит в себе универсальные мотивы любви, радости бытия, быстротечности жизни, смерти. Душан наблюдает, как весной, в пору юности природы, люди устраивали танцы под виноградником, украдкой жевали его хмельные усики, возбужденные напевали любовные песни... А осенью, когда созревает виноград и из него делают вино, мальчик замечает задумчивые лица, тихие голоса, слышит мудрые слова о том, как сок винограда дает здоровье, а вино возвращает жизнь умирающему. Душан уверен, что вино обязательно оживит бабушку перед смертью и она успеет ему рассказать тайну своей жизни, о том, что жизнь «показала ей вечное и непреходящее, а сама она оказалась случайной гостьей, пришедшей ненадолго, обманувшей это вечное и не сумевшей оказаться величественной».

Традиции рода могут храниться во внешних, бытовых приметах культуры. Сущность восточного ритуала гостеприимства, непонятного представителю иной культуры, здесь легко вскрывается детским сознанием, которое становится своеобразным «переводчиком», посредником между культурными мирами всего человечества. Так, восточный гость предстает перед нами как «добродушный соглядатай», пытающийся выведать, все ли хорошо в этом доме. Спросить открыто о благополучии хозяев нельзя, так как «узнанное и названное» может быть украдено. Взрослые поэтому ведут хитрую игру, разговаривая на «птичьем языке», смысл которого добродушно раскрывает нам ребенок.

Таким образом, культурная универсальная память, хранящаяся в детском сознании, позволяет человеку впервые познать и понять тайну окружающего его мира. «Каждый хочет пробраться через новое и тайное, а это и есть его судьба». Традицию нельзя унаследовать, но можно выработать упорным трудом, а значит процесс познания мира ребенком через архаическое, мифологическое сознание человечества есть процесс самопознания, самостановления, свершения своей судьбы.

Библиографический список

1. <http://www.islam.ru/> Тимур Пулатов: Ислам наполнил мою душу...
2. <http://www.compromat.ru/> Дмитрий Белобородов// Философская эстетика традиционализма в мире современной художественной культуры Запада и Востока.
3. Митрохин Л.Н. Религия и культура. М., 2000.